

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР

Анастасия Борисовна ЛИХАЧЕВА

кандидат политических наук, директор, Центр комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: alikhacheva@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6673-3096

ЦИТИРОВАНИЕ: Лихачева А.Б. (2019) Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 69–85.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Статья поступила в редакцию 16.11.2018.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

АННОТАЦИЯ. В 2015 г. Россия, Казахстан и Беларусь сформировали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), позднее к нему присоединились Киргизия и Армения. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), один из ключевых наднациональных органов Союза, получила мандат на ведение всех переговоров о либерализации торговли, включая переговоры о ЗСТ с третьими странами, стала основным оператором сопряжения ЕАЭС и инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и тем самым – важным партнером по продвижению интересов стран-членов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, в будущем можно ожидать расширения мандата Комиссии на другие области международного сотрудничества, затрагивающие экономические интересы России. В контексте усиления в последние годы азиатского вектора в российской внешней политике та-

кое перераспределение ролей между национальным и наднациональным уровнями требует дополнительного изучения. Однако в силу молодого возраста объединения и в российской, и в зарубежной литературе пока представлено относительно мало исследований международной роли ЕАЭС и, в частности, ЕЭК. В данной статье рассматриваются открытые на сегодня международные треки Комиссии с азиатскими странами и описываются другие форматы международного взаимодействия, в которые Комиссия может быть вовлечена в будущем, исходя из ее действующего мандата. Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что двусторонние треки остаются для Комиссии основными, а переход к многосторонним переговорам в формате ЕАЭС – АСЕАН или ЕАЭС – ВРЭП может произойти только в среднесрочной перспективе. Это

подтверждают и анализ открытой информации о переговорах Комиссии, и серия экспертных интервью, проведенных в рамках исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Большая Евразия, ЕАЭС, ЕЭК, интеграционные процессы в АТР, поворот на Восток, либерализация торговли, ЗСТ*

Региональный контекст: запрос на интеграцию

Азиатский кризис 1998–1999 гг. стал катализатором интеграционных процессов в АТР. Ускорила интеграция стран АСЕАН. Резко возросла активность в заключении соглашений сначала о двусторонних зонах свободной торговли (ЗСТ), а затем о многосторонних ЗСТ (с переменным успехом). США и Китай сначала предлагали свои подходы в рамках проекта Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли на базе АТЭС (АТЗСТ), а в 2010-е гг. инициировали самостоятельные мегарегиональные торговые соглашения и интеграционные проекты: США – проект Транстихоокеанского партнерства (из которого США уже вышли при президенте Д. Трампе), Китай и АСЕАН – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) на базе формата АСЕАН+6.

После глобального финансово-го кризиса 2007–2009 гг. все ведущие страны АТР инициировали или поддерживали крупномасштабные интеграционные проекты в регионе. Китай весной 2015 г. объединил два проекта, Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь, в общий мегапроект — «Один пояс, один путь» (ОПОП, позднее Инициатива Пояса и Пути, ИПП) и сделал его главным приоритетом внешней политики, культурной дипломатии, военной стратегии и

внутреннего стратегического развития [Mayer 2018, pp. 1–42].

Южнокорейский президент Пак Кын Хе в октябре 2013 г. официально представила Евразийскую инициативу, в которой ключевую роль играет транспорт, но сама инициатива служит цели комплексного наращивания взаимосвязей между Республикой Корея и континентальной Евразией [The Eurasia Initiative 2013].

Помимо национальных инициатив, в регионе рос спрос на многостороннюю интеграцию. Главным оператором этого запроса стали страны АСЕАН при поддержке Китая. Ассоциация приложила немало усилий для продвижения концепции наращивания взаимосвязей как внутри АСЕАН, так и в рамках проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

Индия хоть и не является частью АТР, но, безусловно, важнейший «сосед по Азии», поддержала оба тренда: начала позиционировать себя как континентальную державу и предложила оживить идею центральноевразийского Международного транспортного коридора «Север – Юг», присоединилась к ШОС и переговорам по ВРЭП.

Россия в 2010-х гг. последовательно наращивала интенсивность восточного вектора в своей внешней политике, ежегодно расширяя комплекс конкретных мер и инструментов по ее реализации. В 2015 г. Россия, Казахстан и Беларусь сформировали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), вскоре к нему присоединились Киргизия и Армения. Уже в 2016 г. Россия выступила с проектом партнерства в Большой Евразии, или Большого евразийского партнерства – открытой инициативы по созданию международного сообщества, функционирование которого определяет особый характер отношений между странами сообщества. Несмотря на молодой воз-

раст, сегодня ЕАЭС стал вторым в мире по глубине интеграции региональным объединением, представляющим собой шестой по населению рынок в Большой Евразии – такие оценки были получены в результате создания системы индикаторов интеграции – комплекса показателей, оценивающих уровень и степень взаимодействия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как в целом по объединению, так и на отдельных рынках и в сферах экономики [По уровню интеграции ЕАЭС опережает МЕРКОСУР и АСЕАН 2018].

Между тем сегодня наблюдается явный дефицит исследования взаимоотношений ЕАЭС с азиатскими партнерами в пользу исследований двусторонних отношений ее членов со странами Азии. Это касается и России, где исследуются различные аспекты восточного вектора внешней политики, но лишь изредка предпринимаются попытки привести данное направление, евразийскую интеграцию и отношения ЕАЭС – Азия к единому аналитическому знаменателю.

Результаты исследования свидетельствуют, что двусторонние треки остаются для Комиссии основными, а переход к многосторонним переговорам в формате ЕАЭС – АСЕАН или ЕАЭС – ВРЭП может произойти только в среднесрочной перспективе. Одна из главных задач, которые решаются в рамках представленного исследования, состоит в том, чтобы представить одну из первых попыток в российской и зарубежной литературе составить перечень возможностей и проектов, которые уже существуют или могут возникнуть исходя из сформированных норм и практик ЕАЭС и на двусторонних треках, и в рамках многосторонних инициатив с азиатскими партнерами.

В статье мы представим основные характеристики среды для международного сотрудничества в Азии, т.е. внешние региональные условия для между-

народных инициатив ЕАЭС, затем проанализируем сложившиеся на сегодня треки взаимодействия ЕАЭС с азиатскими странами (ЗСТ с Вьетнамом, не-преференциальное торгово-экономическое соглашение с КНР, переговоры и консультации с Сингапуром, Индией, Республикой Корея). В третьей части рассмотрим перспективы взаимодействия ЕАЭС (через деятельность ЕЭК) с азиатскими странами в новых областях, преимущественно в инфраструктуре и финансах, и, наконец, оценим потенциал взаимодействия ЕАЭС с многосторонними интеграционными инициативами региона – АСЕАН и ВРЭП.

ЕЭК как партнер в продвижении экономических интересов России в АТР

Наблюдающееся ускорение и уплотнение интеграционных процессов в странах АТР имеет прямые последствия для их партнеров. Последовательная политика в отношении этих интеграционных процессов становится фактически безальтернативным инструментом для стран, желающих выйти на рынки региона и привлечь инвестиции из АТР.

Для России как лидера и основателя собственного интеграционного проекта, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ключевым субъектом такой политики является Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) в соответствии с Договором о ЕАЭС [Договор о Евразийском экономическом союзе 2014]. Поскольку политика поворота на Восток строится на интенсивной интеграции российских экономических субъектов в торговые и инвестиционные связи в АТР, адекватное отражение их интересов в работе Евразийской экономической комиссии представляется принципиально важным.

ЕАЭС КАК ПАРТНЕР В ПРОДВИЖЕНИИ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АТР

На международном треке Комиссия отвечает за торговую политику стран – членов ЕАЭС и переговоры о ЗСТ (опираясь на единый тариф на внешнем контуре) [ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры 2017], соответственно, ее работа напрямую нацелена на защиту интересов национальных производителей перед иностранными поставщиками и продвижение экспортеров на зарубежные рынки.

Пока, правда, довлеющая запросная позиция стран – членов ЕАЭС и их бизнес-игроков – в большей степени защита внутреннего рынка, а не продвижение вовне. Сегодня, в соответствии со своим мандатом и сложившейся практикой межправительственного сотрудничества в ЕАЭС, Комиссия может содействовать продвижению российских интересов в реализации азиатского вектора российской политики по ряду направлений:

- переговоры о зонах свободной торговли с особым вниманием к торговле (пока – по повестке классических ЗСТ, без ее расширения).
- сокращение нетарифных барьеров, особенно для сельскохозяйственной продукции, пищевых продуктов, повышение информационной прозрачности в торговых отношениях между странами;
- формирование стандартов для других стран Большой Евразии в области сертификации, фитосанитарного регулирования (в т.ч. через механизмы ассоциации);
- продвижение российских инвестиционных проектов в ходе переговоров с международными партнерами Комиссии и снижение торговых барьеров в обмен на инвестиции, т.е. устранение определенных тарифных или нетарифных барье-

ров в обмен на инвестиции в конкретные проекты;

- укрепление особого экономического статуса приграничных районов. ЕЭС может способствовать заключению преференциальных и неpreferенциальных торгово-экономических соглашений, в которых подробно описываются механизмы сотрудничества с приграничными районами (через разделы по приграничной торговле, о приоритетном сотрудничестве в регионе, о конкретном отраслевом сотрудничестве);
- защита внутреннего рынка. В России опасения по поводу притока дешевых импортных аналогов остаются очень сильными. Во многом поэтому идея быстрой либерализации торговли с крупными азиатскими экспортерами встречает много негативных ожиданий в России. Хотя таких ожиданий еще больше у Беларуси, производящей многие виды готовой продукции;
- продвижение контактов между бизнесом. Комиссия может поддерживать торговые диалоги и сотрудничать с экспортными агентствами государств – членов ЕАЭС. Такой диалог также способствует более эффективному отражению запросов к интеграции внутри и вовне со стороны бизнеса;
- продвижение транспортных, туристических и других услуг, поскольку Комиссия имеет право вести переговоры не только в рамках торгового сотрудничества, но и в области международного регулирования услуг;
- площадка для обсуждения отдельных вопросов миграционной политики, профессиональной мобильности.

Эти варианты отражают нынешний потенциал Комиссии в рамках существ-

вующих полномочий. Таким образом, основные проблемы взаимодействия России с азиатскими странами, такие как либерализация торговли и, в долгосрочной перспективе, участие в мегарегиональных торговых соглашениях, напрямую зависят от эффективности взаимодействия между Россией, ЕАЭС и странами Азии в рамках этого треугольника переговоров, а не в двух изолированных переговорных «комнатах».

Сотрудничество ЕАЭС со странами Азии

ДОСТИЖЕНИЯ ЕАЭС К 2018 ГОДУ

По состоянию на сегодняшний день ЕАЭС заключил только одно соглашение о создании зоны свободной торговли – в 2015 г. с Вьетнамом, полная реализация которого займет еще около 7 лет. В среднесрочной перспективе при соблюдении определенных условий ЕАЭС на базе этого соглашения сможет начать переговорный процесс о либерализации торговли с другими странами АСЕАН и на межблоковой основе.

Основная цель ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам – консолидация взаимных обязательств сторон по упрощению доступа товаров на рынки. К 2025 г. средний уровень вьетнамских импортных таможенных пошлин на товары стран Союза уменьшится с 10 до 1%, а в ЕАЭС для вьетнамских товаров – до 2%. В некоторых случаях пошлины будут сохраняться. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что пошлины на более чем 500 наименований на уровне 10 знаков ТН ВЭД остаются на прежнем уровне [Likhacheva, Kalachygin 2018].

Вьетнам на сегодня главный торговый партнер России с АСЕАН и страна, экспорт России в которую в наибольшей степени диверсифицирован. Соглашение о свободной торговле меж-

ду ЕАЭС и Вьетнамом на сегодняшний день главный для России и ЕАЭС официальный канал торгово-инвестиционной интеграции в АСЕАН, от налаживания которого во многом зависит успех будущих переговоров с другими странами Ассоциации [Fedorov 2018, pp. 68–79]. С учетом того, что присоединение России к любой реинкарнации ТТП или альтернативному американоцентричному МРТС едва ли возможно и целесообразно, а в ВРЭП АСЕАН играет ключевую роль, именно создание ЗСТ с АСЕАН, на первый взгляд, видится логичным следующим шагом для интеграции России в торгово-экономическое сотрудничество в АТР.

Суть соглашения о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам состоит в закреплении взаимных обязательств участников по упрощению доступа товаров на их рынки. Планируется снижение таможенных пошлин на 88% товарных позиций, входящих в структуру товарооборота, из них на 59% ставки будут снижены сразу, еще на 29% – через 5–10 лет. К 2025 г. средний уровень импортных таможенных пошлин Вьетнама для товаров стран ЕАЭС снизится с 10 до 1%, а в ЕАЭС для вьетнамских товаров достигнет 2%. На практике это означает, что в первое время для экономик вовлеченных стран условия соглашения не будут иметь ярко выраженного эффекта: реальные результаты будут заметны лишь спустя несколько лет.

Для Вьетнама соглашение с ЕАЭС является лишь одним в череде многих. На данный момент страна является участницей более 15 многосторонних и двусторонних ЗСТ, часть которых уже действует, другие находятся в стадии переговоров. В мае 2015 г. Вьетнам подписал соглашение о свободной торговле с Республикой Корея, в декабре 2015 г. Ханой завершил переговоры по ЗСТ с ЕС, которое вступило в силу в 2018 г. Таким образом, соглаше-

ние с ЕАЭС не является для Вьетнама чем-то эксклюзивным, оно необходимо для поддержки производителей в конкретных отраслях, а также как дополнительная ступень для превращения Вьетнама в самую открытую из экономик Юго-Восточной Азии (после Сингапура).

ОТКРЫТЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ТРЕКИ

По состоянию на начало 2019 г. у ЕАЭС открыты следующие переговорные треки:

- с Китаем о дальнейшем сотрудничестве на базе подписанного 17 мая 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве;
- переговоры о ЗСТ с Сингапуром;
- переговоры о ЗСТ с Индией;
- действует меморандум о сотрудничестве ЕАЭС – Республика Корея, однако рабочие консультации о целесообразности ЗСТ приостановлены;
- переговоры с Ираном о ЗСТ на базе временного соглашения о ЗСТ, подписанного в 2017 г.;
- в других регионах идут переговоры о ЗСТ с Израилем, Сербией и Египтом.

Китай является и ключевым торгово-инвестиционным партнером для стран ЕАЭС и стратегическим партнером России, разделяя общие позиции по широкому спектру международно-политических вопросов [Lukin 2018, pp. 75–91].

На данный момент концептуальной рамкой для экономического сотрудничества между Союзом и Китаем является совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению развития ЕАЭС и ЭПШП, выдвинутое лидерами России

и Китая 8 мая 2015 г. [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики 2015].

Главным оператором сопряжения со стороны ЕАЭС выступает ЕЭК, и в координации с национальными ведомствами ведется работа по наполнению сопряжения реальными проектами и инициативами. Одним из таких шагов должно стать соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве [ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры 2017].

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем подписано 17 мая 2018 г. в рамках XI Астанинского экономического форума [Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве 2018]. Оно по сути является не преференциальным соглашением, затрагивающим различные аспекты торговой деятельности (не менее важные, чем тарифные), в том числе меры торговой защиты, таможенные процедуры, защиту интеллектуальной собственности и т.д. На сегодняшний день обозначенные выше аспекты сотрудничества играют все большую роль в осуществлении торговых потоков и их наращивании.

По данным департамента статистики ЕЭК, в 2017 г. прирост экспорта и импорта стран – членов ЕАЭС в Китай составил 37,7 и 25,6% соответственно. Однако стоит отметить, что указанные показатели в стоимостном выражении по-прежнему не достигли показателей 2014 г. (94,1 и 92,5% от уровня 2014 г. соответственно). Так как вступление соглашения в силу планируется на начало 2019 г.¹, следует ожидать его влияния на дополнительный рост торговли между сторонами. Более того, в рамках соглашения будут реализовывать-

1 Соглашение о сотрудничестве ЕАЭС и КНР вступит в силу в начале 2019 года (2018) // Власть. 12 сентября 2018 // <https://vlast.kz/novosti/29391-soglasenie-o-sotrudnicestve-eaes-i-knr-vstupit-v-silu-v-nacale-2019-goda.html>, дата обращения 31.01.2019.

ся различные проекты, прежде всего инфраструктурные, что также является положительным сигналом о наращивании торговли в среднесрочной перспективе.

Что касается такого важного формата сотрудничества, как евразийские транспортные коридоры на маршрутах «Восток – Запад», то они пока развиваются по линии национальных диалогов. Вопрос передачи Комиссии полномочий по формированию транспортной повестки ЕАЭС в отношениях с внешними партнерами, прежде всего в рамках сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, пока остается открытым.

Переговорный процесс о создании ЗСТ с **Сингапуром** в данный момент находится в активной фазе. В 2018 г. состоялось несколько заседаний совместной рабочей группы, подписание соглашения ожидается в 2019 г. Однако важно учитывать тот факт, что у Сингапура тарифы обнулены по большинству позиций, и поэтому ключевое значение для России на переговорах имеет не снятие тарифных ограничений, а именно часть регулирования услуг, которая, как ожидается, будет подробно проработана в будущем документе. Эти переговоры могут способствовать реализации таких российских приоритетов, как продвижение российских проектов и компаний в сингапурском бизнес-сообществе (в первом полугодии 2018 г. состоялся бизнес-форум, организованный ЕЭК совместно с Российско-Сингапурским деловым советом) и создание эффективных стандартов для регулирования сферы услуг в международных соглашениях ЕАЭС. Таким образом, переговоры с Сингапуром становятся первым полигоном расширения сюжетов с азиатскими партнерами для ЕАЭС.

Вместе с тем важно понимать, что ЕЭК выполняет главным образом коор-

динирующую функцию между правительствами государств – членов ЕАЭС и сингапурской стороной, поскольку не имеет мандата на ведение переговоров по услугам. Тем не менее в рамках этой координационной работы, безусловно, нарабатываются важные компетенции межправительственного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Официально начало переговоров по ЗСТ с **Индией** было объявлено 3 июня 2017 г. в рамках Петербургского международного экономического форума. Уже работающая совместная группа экспертов получит новые возможности и все необходимые полномочия для дальнейшего ведения переговоров, что должно привести к более быстрому запуску процесса переговоров. Однако в силу того, что Индия является сложным партнером по переговорам и традиционно проявляет относительную медлительность, активного развития переговорного процесса по этому треку в ближайшее время ожидать не стоит.

Индия, темпы роста экономики которой являются одними из наиболее высоких в настоящее время, также заинтересована в создании более тесных торговых связей с Евразийским экономическим союзом. В январе 2018 г. проводились технические консультации о концептуальных подходах к переговорам, сроки проведения первого предметного раунда пока не определены.

Индия является емким рынком, а уровень ее тарифной защиты выше, чем, например, у России и Китая (по данным ВТО, среднее значение импортного тарифа Индии составляет 13,8%; России – 6,7%; Китая – 9,8%). С учетом того, что индийский рынок стал одним из самых динамично растущих в мире, потенциальные выгоды от заключения ЗСТ высоки. По итогам исследования о целесообразности заключения, проводившегося в

2016 г., был спрогнозирован рост товарооборота «до 30–40% от текущего уровня в зависимости от глубины тарифной либерализации». На данный момент товарооборот между ЕАЭС и Индией практически восстановился после падения 2015 г. (в 2017 г. он составил 95,6% от уровня 2014 г.) за счет значительного прироста в 22,1% за прошедший год, достигнув значения 10,8 млрд долл. США.

Нельзя не отметить, что, поскольку Индия является крупным поставщиком ИКТ и прочих деловых услуг, она, вероятно, будет заинтересована во включении трека по услугам в переговоры, что приведет к созданию пяти страновых треков при координирующей роли ЕЭК (по аналогии с сингапурским форматом), что, скорее всего, дополнительно затян timer переговорной процесс.

В отношении потенциального переговорного процесса с **Республикой Корея** наиболее важным является тот факт, что на данном этапе Сеул более заинтересован в создании ЗСТ, чем страны ЕАЭС, и именно Республика Корея выступала инициатором рабочих консультаций [Lee J.Y., Lee C.W., Min 2018], которые на данный момент приостановлены.

С точки зрения тарифных барьеров на южнокорейском рынке, в целом особо высокий уровень тарифной защиты сохраняется по отношению к сельскохозяйственной продукции – примерно 50% ввозной пошлины. Эти ограничения распространяются на все страны, а не только на Россию и другие страны ЕАЭС. Поскольку сельскохозяйственный сектор является чувствительным для южнокорейской экономики, настаивать на снятии и ослаблении тарифных ограничений со стороны Комиссии нецелесообразно и в перспективе маловероятно. Это стало одной из причин приостановки диало-

га с южнокорейской стороной по вопросам целесообразности ЗСТ, однако в перспективе к обсуждению этих возможностей стороны, вероятно, могут вернуться.

Однако даже на этапе будущих консультаций возможно рассмотрение таких вопросов, как налаживание сотрудничества (через облегчение нетарифных барьеров):

- распространение информации о процедурах таможенной очистки, сертификации и допуска сельскохозяйственных товаров на южнокорейский рынок;
- снятие запретов на импорт широкой номенклатуры сельскохозяйственной продукции через процедуру заявления России об отсутствии заражения указанных растений в регионе на основании подтверждения фитосанитарными анализами и одобрения южнокорейских властей;
- привлечение инвестиций в дальневосточный регион России для производства экспортных товаров для Республики Корея и Китая (связанных ЗСТ друг с другом);
- в перспективе – экспортные гарантии для продукции из зернового терминала в порту Зарубино, строительство которого запланировано на 2018–2020 гг.

Что касается вопроса переговоров с **Японией**, то 16 декабря 2016 г. Президент РФ Владимир Путин на пленарном заседании российско-японского форума деловых кругов заявил, что «в скором времени планируется обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией» [Российско-японский форум 2016]. Однако на данный момент Евразийская экономическая комиссия не анонсировала переговоров, и отношения с Японией остаются

ся эксклюзивной прерогативой национальных правительств.

***

Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе большие экономические эффекты от торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС со странами АТР на преференциальной основе не ожидаются. Тем не менее есть все основания полагать, что уже в 2020-х гг. можно ожидать активизации взаимодействия ЕЭК с азиатскими государствами и объединениями (в частности АСЕАН) по линии либерализации торговли. Однако повестку диалога между ЕАЭС и Азией было бы неэффективно ограничивать исключительно торговыми сюжетами: и в Азии, и в других регионах мы наблюдаем тенденцию расширения повестки международного сотрудничества, включение все новых сюжетов, прежде всего в области инфраструктуры, финансов, региональных вызовов безопасности и пр. Это создает предпосылки для расширения повестки сотрудничества между ЕЭК и азиатскими партнерами.

Однако сегодня такое расширение повестки потребует соответствующего расширения компетенций ЕЭК (как минимум на мандат по переговорам об услугах), разработки новых форматов перспективных соглашений ЕАЭС с другими странами, диверсификации форматов привилегированного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами. Наконец, постановка вопроса об инфраструктурных проектах на уровне ЕАЭС возможна при активной роли профильных институтов развития, действующих либо под мандатом ЕЭК, либо в тесной координации с евразийскими наднациональными институтами.

В целом понимание необходимости увязать транспортную, торговую и инвестиционную повестки в рамках ЕЭК в основном сформировалось, о чем

свидетельствует тот факт, что переговоры с Индией и Ираном о ЗСТ сопровождаются обсуждением перспектив МТК «Север – Юг» (по крайней мере, на двусторонних треках с Россией), наблюдается усиление инфраструктурно-инвестиционной повестки сопряжения ЕАЭС и ЭПШП регуляторной рамкой в виде Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Последнее создает механизмы и регуляторную среду для более эффективной реализации сопряжения. Поэтому сегодня можно говорить о том, что процесс интеграции транспортно-инфраструктурной повестки с торговой и инвестиционной происходит, но носит пока ограниченный характер и остается не подкреплен либерализацией торговых режимов.

Новая повестка сотрудничества ЕАЭС со странами Азии

ИНФРАСТРУКТУРА

На практике транспортная повестка ЕАЭС пока не увязана с торговой и инвестиционной, эти сюжеты не рассматриваются в комплексе. Вопрос, как либерализация торговых режимов может способствовать обеспечению рентабельности инфраструктурных проектов, пока не поднимается, хотя имеет прямое отношение к обеспечению устойчивой региональной интеграции.

Однако Комиссия ставит перед собой амбициозные долгосрочные цели в этой области: «Необходимо образовать “бесшовный коридор” между Европой и Азией, Севером и Югом и на практике реализовать принцип “единого окна”, обсуждая с торговыми партнерами вопросы гармонизации стандартов и требований в сфере транспорта», – считает Тигран Саркисян, председатель ЕЭК [Перед евразийской интеграцией стоят глобальные вызовы 2017].

Сегодня транспортная повестка в отношениях между ЕАЭС и странами Азии присутствует только в переговорах с Китаем, в перспективе она будет развиваться в рамках переговоров о ЗСТ с Сингапуром в части регулирования транспортных услуг. Ключевое препятствие, сдерживающее развитие такого диалога, – отсутствие у ЕАЭС необходимого уровня полномочий по формированию общесоюзной транспортной повестки с третьими странами.

Более того, реализация элементов общей транспортной политики внутри Союза порой сталкивается с тяжелыми разногласиями между его членами, прежде всего – Россией и Казахстаном. В среднесрочной перспективе ЕЭК вероятно, будет стремиться к наращиванию полномочий в транспортно-транзитной сфере: только это позволит добиться максимальной реализации как транзитного, так и экспортного потенциала стран – членов Союза. Однако этот процесс может занять 3–5 и более лет.

В целом внешние факторы, которые будут оказывать определяющее влияние на качество диалога ЕАЭС со странами Азии в отношении транспортно-логистической повестки, – это темпы экономического роста Китая, местоположение основного центра экономической активности в самом Китае, перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая со странами Азии, ЕАЭС и США и, наконец, степень торговой либерализации внутри Азии и с другими странами, в том числе с Россией. Ключевой внутренний фактор – это уровень полномочий ЕАЭС по выработке общей транспортной повестки, о котором было сказано выше.

ЕАЭС пока никак не участвует и в процессе привлечения средств в инфраструктурные проекты из международных институтов развития, включая Азиатский банк инфраструктур-

ных инвестиций и Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути. У ЕЭК нет своих представителей в этих структурах, хотя реализация ряда инфраструктурных проектов в регионе априори потребует наднационального регулирования и, возможно, управления. В будущем при наличии собственных средств ЕЭК в ассоциированных институтах развития (то есть при создании транспортно-инфраструктурного бюджета ЕЭК) можно ожидать качественно новой роли ЕЭК в этих процессах.

В рамках работы ЕЭК на данном этапе для Комиссии представляют интерес только те проекты, которые можно отнести к тематике сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В силу фокуса на сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, основной упор делается на центральноевразийские сухопутные переходы, в основном через Казахстан и Россию и с вовлечением Беларуси [Likhacheva 2017, pp. 157–181].

При этом ЕАЭС уже обеспечил уникальные конкурентные преимущества государствам – членам ЕАЭС для их участия в трансконтинентальных инфраструктурных проектах. Теперь это проходит в условиях одного таможенного контроля на пространстве от ЕС до Китая, и это долгосрочное конкурентное преимущество перед любыми альтернативными транспортными проектами «в обход Союза». И – ценный переговорный актив в борьбе за иностранные инвестиции в инфраструктуру.

Если говорить о других странах, то и с Республикой Корея, и с Индией, и с Сингапуром существует почва для диалога между Комиссией и этими странами. При запуске переговоров с Индией и Южной Кореей это является необходимым условием для комплексной интернационализации российской и, в частности, дальневосточной инфраструктуры [Lee 2017, pp. 103–125]. В противном случае ситуации, когда

транспортные проекты будут обсуждаться без оценки связанных с их реализацией прямых торговых эффектов, высоко вероятны.

В отношении *Южной Кореи* ситуация и наиболее перспективна, и наиболее нестабильна в силу кризиса в отношениях Сеула и Пхеньяна. Корея пока никак не вовлечена в транспортную повестку ЕАЭС, и на уровне предварительных исследований о целесообразности ЗСТ транспортная повестка никак не прорабатывалась.

Перспективы сотрудничества ЕАЭС со странами и интеграционными объединениями АТР и настройка компетенций ЕАЭС

Сегодня можно констатировать, что внешний запрос на интеграцию с ЕАЭС значительно превышает возможности Союза – к настоящему времени по разным оценкам подано от 30 до 50 заявок на создание ЗСТ с ЕАЭС, но нынешние семь переговоров – на данном этапе это организационный потолок Комиссии [Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС 2017]. Такое большое число свидетельствует о заинтересованности множества субъектов мировой экономики во взаимодействии с ЕАЭС, в т.ч. посредством заключения соглашений о ЗСТ.

Сравнивая сегодняшнюю переговорную активность ЕАЭС с азиатскими партнерами, можно сделать вывод, что ЕАЭС в своих внешних интеграционных инициативах на международном треке пока находится на «догоняющем этапе» проработки возможностей за-

ключения двусторонних ЗСТ («ЕАЭС + страна-партнер»), при этом концентрируясь на торговых переговорах. В то время как Кристофер М. Дэнт в исследовании зон свободной торговли в Восточной Азии констатирует, что с 1990 г., когда соглашения заключались лишь в отмене существующих барьеров в торговле, к началу XXI в. спектр затрагиваемых в соглашениях аспектов значительно расширился [Dent 2005, pp. 287–314]. Например, добавились проблемы регулирования электронной торговли, интеллектуальной собственности, рабочей силы и т.д. Это способствует более комплексной и эффективной интеграции между странами, в чем также нуждаются и страны – члены ЕАЭС. Подтверждает эти идеи и Т. Ястреб в более поздней работе по актуальным трендам в создании региональных торговых соглашений [Yastreba 2016].

В среднесрочной перспективе, при условии наращивания экспорта в Азию из стран ЕАЭС, прежде всего из России как наиболее привлекательной экономики Союза, соглашения о свободной торговле с АСЕАН ей не избежать. И хотя такая цель уже была поставлена (министр экономического развития А.В. Улюкаев в 2015 г. заявил, что создание зоны свободной торговли АСЕАН и ЕАЭС – это перспектива двух-трех лет), в краткосрочном периоде переход к этому формату представляется невозможным².

Причины связаны со сложностью построения консенсусов внутри многосторонних интеграционных объединений и с разрывом в переговорных ресурсах двух объединений. На это есть и фундаментальные причины, и операционные.

2 На декларативном уровне, в качестве первого шага ЕАЭС и АСЕАН в августе 2016 г. договорились образовать исследовательскую группу для изучения перспектив зоны свободной торговли. Однако группа пока не создана, и в самой Комиссии нет готовности ее запускать в ближайшие годы.

Первая причина – это достаточно консервативная торговая политика стран – членов ЕАЭС. Многие годы даже идея о ЗСТ сразу же вызывала у них поток обвинений в подрыве своего рынка.

Во-вторых, вплоть до 2010-х гг. страны – члены ЕАЭС испытывали низкий политический и экономический интерес к странам Азии в сравнении с европейским направлением: так, практически вплоть до введения антироссийских санкций переговоры о ЗСТ Россия от имени Таможенного союза вела только с ЕАСТ и Новой Зеландией [Изотов 2013, с. 41–53].

В-третьих, это происходит в силу крайне юного возраста самого ЕАЭС, который пока в большей степени сконцентрирован на внутренней интеграции. В результате у Комиссии просто недостаточно организационных ресурсов для расширения переговорной повестки. Сегодня в разработке находятся семь двусторонних ЗСТ, и больше человеческих ресурсов у Комиссии для открытия новых аналогичных переговоров или, тем более, ведения переговоров более сложного уровня просто нет (о присоединении к ВРЭП, например, где большинство стран – участниц переговоров уже связаны соглашениями о ЗСТ, и переговоры вокруг ВРЭП затрагивают более глубокие слои регионального сотрудничества), неслучайно В. Никишина отмечала «объективный человеческий фактор», который приводит к замедлению ряда процессов внутри Комиссии [ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры 2017].

В-четвертых, это объективные разногласия между странами – участницами ЕАЭС и порожденные этим трудности при формировании и консолидированной запросной позиции на торговых переговорах (она, как правило, достаточно линейна: «откройте свои рынки и не требуйте открывать наши»), но и

«защитной позиции» (зачастую ее просто нет, что тормозит переговоры). Согласно статье 12 Договора о ЕАЭС, все решения Комиссии принимаются консенсусом, что, безусловно, тормозит переговорный процесс [Договор о Евразийской экономической комиссии 2011].

С другой стороны, АСЕАН – исключительно сложный партнер, с противоречивыми интересами внутри Ассоциации и принципиально разными рынками, с точки зрения как импортеров, так и экспортеров. При этом за десятилетия интеграции в Азии бюрократия, ответственная за торговые переговоры АСЕАН нарабатала серьезные компетенции, заключив соглашения с такими партнерами, как Китай, Республика Корея, Япония и т.д. ЕЭК пока такими компетенциями не обладает, а их наращивание требует не только академической подготовки специалистов, но и наработки релевантного опыта в рамках двусторонних переговоров.

Особняком стоит вопрос недостатка полномочий Комиссии не только в секторальном, но и в функциональном разрезе; прежде всего речь об отсутствии эффективных механизмов контроля.

Во-первых, в процессе формирования Союза на наднациональный уровень были переданы сферы таможенного и технического регулирования, в то время как инвестиции остаются на уровне стран – членов ЕАЭС, что не позволяет эффективно обсуждать идею соглашений смешанного типа, ограничиваясь «устаревшими» форматами преимущественно торговых соглашений о ЗСТ.

Во-вторых, это вопрос не только регуляторных, но и надзорных компетенций, которыми Комиссия не располагает. Так, контрольные функции остались на национальном уровне, что ограничивает возможности по созданию единого правового поля для предпринимателей всех стран ЕАЭС.

Выходом могло бы стать формирование системы, при которой вопросы контроля стали бы частью совместной компетенции стран Союза. Кроме того, ЕЭК настаивает на праве обращаться в Суд ЕАЭС в случае, если страны Союза не исполняют решения или нормы Договора о Союзе (при параллельном расширении полномочий Суда ЕАЭС) [Перед евразийской интеграцией стоят глобальные вызовы 2017]. Пока же Комиссия имеет лишь право уведомить правительство той или иной страны о необходимости их исполнения, а ее функции контроля за общим рынком ограничены мониторингом.

Мнения экспертов и сотрудников Комиссии сходятся в том, что в перспективе 3–5 лет именно двусторонний трек будет оставаться основным. По мере заключения соглашений о ЗСТ с Сингапуром и, возможно, другими странами ЮВА, в перспективе 5–7 лет возможно начало активных переговоров о ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН [Lissovolik 2017, pp. 38–45]. О полноценном участии ЕАЭС в мегарегиональных торговых соглашениях и интеграционных проектах можно будет говорить не ранее, чем через 7–10 лет. Тогда ЕАЭС может стать полноценным участником ВРЭП и ядром Большого евразийского партнерства.

Если, несмотря на экономические и институциональные соображения, будет принято политическое решение о необходимости форсированно присоединиться к этим инициативам, то такое участие будет носить преимущественно формальный характер. Оно будет иметь скорее символическое политическое значение, с выхолащиванием по ключевым позициям торговой либерализации, не говоря о регулировании инвестиций и услуг.

Поэтому на данном этапе по странам, с которыми таких активных пе-

реговоров не ведется и не готовится, Комиссия как партнер России в реализации азиатского вектора в российской политике практически бесполезна как визави, несмотря на заявления ряда стран Азии о заинтересованности в ЗСТ с ЕАЭС (в частности, такую заинтересованность выражали Таиланд, Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Чили и пр.) и российских чиновников – о готовности к многосторонним соглашениям. Однако при наращивании полномочий Комиссия может стать центральным партнером экономического измерения азиатской политики России и активным проводником в процессы интеграции в АТР.

Список литературы

Договор о Евразийской экономической комиссии (2011) // Евразийская экономическая комиссия. 18 октября 2011 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) // Министерство экономического развития Российской Федерации. 29 мая 2014 // <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>, дата обращения 31.01.2019.

ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры (2017) // Евразийская экономическая комиссия. 12 сентября 2017 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-09-2017-V.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

Изотов Д.А. (2013) Зона свободной торговли между Россией и Новой Зеландией: возможные эффекты // Российский внешнеэкономический вестник. № 11. С. 41–53 // <http://www.rfej>.

ru/rvv/id/50046F971, дата обращения 31.01.2019.

Перед евразийской интеграцией стоят глобальные вызовы и главный из них – скорость изменений во всех сферах деятельности (2017) // Евразийская экономическая комиссия. 9 ноября 2017 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/9-11-2017-1.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

По уровню интеграции ЕАЭС опережает МЕРКОСУР и АСЕАН (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 3 марта 2018 // http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06_03_18.aspx, дата обращения 31.01.2019.

Подписано Соглашение о торговом экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 17 мая 2018 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС (2017) // Союзное Вече. 25 января 2017 // <https://souzveche.ru/articles/politics/35309/>, дата обращения 31.01.2019.

Российско-японский форум деловых кругов (2016) // Президент России. 16 декабря 2016 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477>, дата обращения 31.01.2019.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути (2015) // Президент России. 8 мая 2015 // <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>, дата обращения 31.01.2019.

Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? // *European Journal of East Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 287–314. DOI: 10.1163/157006105774711468

Fedorov N. (2018) New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam // *Public Administration Issues*, vol. 5, pp. 68–79. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79

Lee J.Y. (2017) Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia // *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 103–125.

Lee J.Y., Lee C.W., Min J. (2018) Investment Climate in the EAEU and Korea's Entry Strategy // *Korea Institute for International Economic Policy*, January 8, 2018 // <http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=worldEcoUdt&nttId=199996>, дата обращения 31.01.2019.

Likhacheva A. (2017) Russia's Siberia and the Far East on the New Infrastructure Map of Eurasia // *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 157–181.

Likhacheva A., Kalachigin G. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in Context of Russian Policy of Pivot to Asia // *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03

Lissovnikov Y. (2017) Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementarity Appraisal // *International Trends*, vol. 15, no 3, pp. 38–45 // <http://internationaltrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1778/zsLcMrhopu.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Lukin A. (2018) Russia, China, and the Emerging Greater Eurasia // *International Relations and Asia's Northern Tier* (eds. Rozman G., Radchenko S.), Singapore: Palgrave, pp. 75–91.

Mayer M. (2018) China's Rise as Eurasian Power: The Revival of the Silk Road and Its Consequences // *Rethinking the*

Silk Road (ed. Mayer M.), Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 1–42.

The Eurasia Initiative (2013) // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea // <http://www.mofa.go.kr/ENG/im->

age/common/title/res/0707_eurasia_bro.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Yastreba T. (2016) Actual Trends of Regional Trade Agreements Creation, Minsk.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Eurasian Economic Union and Integration Process in the Asia-Pacific

Anastasia B. LIKHACHEVA

PhD in History, Director, Centre for Comprehensive European and International Studies

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: alikhacheva@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6673-3096

CITATION: Likhacheva A.B. (2019) Eurasian Economic Union and Integration Process in the Asia-Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Received: 16.11.2018.

The article has been supported by a Grant of the Russian Science Foundation. Project no. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation between Russia and Regional Countries".

ABSTRACT. *In 2015, Russia, Kazakhstan and Belarus formed the Eurasian Economic Union (EAEU), later joined by Kyrgyzstan and Armenia. The Eurasian Economic Commission (EAEC), one of the key supranational bodies of the Union, received the mandate to conduct all negotiations on trade liberalization, including negotiations on FTAs with other countries, became the main operator of the conjunction of EAEU and One belt One road Initiative (OBOR), – and, thus, an important agent of promoting the interests of member states in the Asia-Pacific region. Moreover, in the future we can expect the expansion of the Commission's mandate to other areas of international cooperation affecting the economic inter-*

ests of Russia. In the context of the policy of the Turning to the East that Russia has pursued in recent years, such a redistribution of roles between the national and supranational levels requires further study. However, due to the young age of the association, both in the Russian and foreign literature, we can find relatively few studies on the international role of the EAEU and, in particular, of the EAEC. This article analyzes the Commission's international tracks with Asian countries that are currently open and attempts to study other formats of international interaction that might involve the Commission in the future according to its current mandate. The results of the study indicate that bilateral tracks remain the domi-

nant ones for the Commission, and the transition to multilateral negotiations within the EAEU-ASEAN or EAEU-RSEP formats can only occur in the medium term. This conclusion has been confirmed by the analysis of open information about the negotiations of the Commission, and a series of expert interviews conducted during the research.

KEY WORDS: Greater Eurasia, EAEU, EAEC, Eurasian integration, integration processes in the Asia-Pacific, Russian foreign policy, Turn to the East, trade liberalization, FTA

References

- About 50 Countries are Willing to Cooperate with the EEU (2017). *Soyuznoe Veche*, January 25, 2017. Available at: <https://souzveche.ru/articles/politics/35309/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- An Agreement on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and China was Signed (2018). *Eurasian Economic Commission*, May 17, 2018. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? *European Journal of East Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 287–314. DOI: 10.1163/157006105774711468
- Fedorov N. (2018) New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam. *Public Administration Issues*, vol. 5, pp. 68–79. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79
- Izotov D.A. (2013) Free Trade Area between Russia and New Zealand: Possible Effects. *Russian Foreign Economic Journal*, no 11, pp. 41–53. Available at: [http://www.rfej.ru/rvv/id/50046F971/\\$file/41-53.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/50046F971/$file/41-53.pdf), accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation to Link the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt (2015). *President of Russia*, May 8, 2015. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Lee J.Y. (2017) Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia. *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 103–125.
- Lee J.Y., Lee C.W., Min J. (2018) Investment Climate in the EAEU and Korea's Entry Strategy. *Korea Institute for International Economic Policy*, January 8, 2018. Available at: <http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=worldEcoUdt&nttId=199996>, accessed 31.01.2019.
- Likhacheva A. (2017) Russia's Siberia and the Far East on the New Infrastructure Map of Eurasia. *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 157–181.
- Likhacheva A., Kalachigin G. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in Context of Russian Policy of Pivot to Asia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03
- Lissovlik Y. (2017) Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementarity Appraisal. *International Trends*, vol. 15, no 3, pp. 38–45. Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1778/zsLcMrhopu.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Lukin A. (2018) Russia, China, and the Emerging Greater Eurasia. *International Relations and Asia's Northern Tier* (eds. Rozman G., Radchenko S.), Singapore: Palgrave, pp. 75–91.

Mayer M. (2018) China's Rise as Eurasian Power: The Revival of the Silk Road and Its Consequences. *Rethinking the Silk Road* (ed. Mayer M.), Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 1–42.

Russian-Japanese Business Forum (2016). *President of Russia*, December 16, 2016. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The EAEU and the Silk Road are not Competitors, but Partners (2017). *Eurasian Economic Commission*, September 12, 2017. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-09-2017-V.aspx>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Eurasia Initiative (2013). *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea*. Available at: http://www.mofa.go.kr/ENG/image/common/title/res/0707_eurasia_bro.pdf, accessed 31.01.2019.

The Eurasian Integration Faces Global Challenges and the Main One is the Speed of Changes in All Spheres of Activity (2017). *Eurasian Economic Commission*, November 9, 2017. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/9-11-2017-1.aspx>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Level of Integration of the EEU ahead of MERCOSUR and ASEAN (2018). *Eurasian Economic Commission*, March 3, 2018. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06_03_18.aspx, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Treaty on the Eurasian Economic Union Retrieved (2014). *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*, May 29, 2014 Available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-urasian-economic-union>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Treaty on the Eurasian Economic Commission (2011). *Eurasian Economic Commission*, October 18, 2011. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Yastrebov T. (2016) *Actual Trends of Regional Trade Agreements Creation*, Minsk.